

Лидия Чарская

Сфинкс

Лидия Алексеевна Чарская
Сфинкс
Серия «Гимназистки», книга 6

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=636185

Лидия Чарская. Повести и рассказы:

Аннотация

Девочку с удлинёнными зеленовато-серыми глазами и худеньким бледно-смуглым лицом прозвали Сфинксом. Она казалась какой-то особенной. И одевалась лучше остальных девочек, несмотря на то, что на ней было то же традиционное форменное, с черным передником, коричневое платье, и обута изящнее своих одноклассниц, и причёска ее отличалась какою-то особенною красивой законченностью...

Лидия Алексеевна Чарская

Сфинкс

Девочку с удлинёнными зеленовато-серыми глазами и худеньким бледно-смуглым лицом прозвали Сфинксом. Она казалась какой-то особенной. И одевалась лучше остальных девочек, несмотря на то, что на ней было то же традиционное форменное, с черным передником, коричневое платье, и обувь изящнее своих одноклассниц, и причёска ее отличалась какою-то особенною красивой законченностью.

В то время, как гимназистки ее и других классов шлепали по лужам или утрамбовывали снег на тротуарах, спеша по утрам в гимназию, смуглая зеленоглазая девочка подъезжала к гимназическому подъезду всегда в шикарной пролетке – весной и осенью или в чудесных маленьких санках зимой, запряженных парой породистых лошадей. И всегда ей сопутствовала худая, рыжая, высокая англичанка, говорящая с девочкой на своем непонятном для непривычного уха языке. В классе недолюбливают обыкновенно важных, богатых гимназисток, приезжающих на уроки в своих экипажах. Но Сфинкса даже и не могли не любить. Смуглая девочка держала себя настолько корректно и изысканно с подругами, что к ней и придраться было нельзя. Она готова была оказать массу мелких услуг, которые так ценятся подростками. Сфинкс выручала не раз ближайших своих соседок по пар-

те, подсказывая им ответы на уроках. Помогала писать подругам внеклассные домашние сочинения по иностранным языкам, которыми, кстати сказать, Сфинкс владела в совершенстве, поправляла арифметические задачи. И все это делалось ею без всякого усилия, свободно, просто, мило и легко. Училась она лучше всех в классе, хотя Нину Махровую отдали в гимназию только на последние три года, прямо в пятый класс. Но не замечательная память, не удивительная способность к языкам, не успехи по учению, ни невольное уважение подруг привлекали всеобщее внимание к Нине, а нечто совсем иное.

Нина была Сфинкс! Нина была загадка! Никто не знал частной, домашней жизни этой пятнадцатилетней девочки. Не знали, есть ли у нее родные – мать, отец, братья, сестры; не знали, как она проводит время вне классных занятий, как течет ее жизнь дома, какова ее семья. Она держала себя в стороне от подруг, в рекреации читала толстые английские книжки, в которых никто из девочек не смог бы прочесть ни строки, и никогда не вступала ни с кем в длинные откровенные разговоры.

Словом, Нина Махровая была Сфинкс.

* * *

Учитель немецкого языка предупредил заранее еще на прошлом уроке, что классная задача будет не из легких, но

что «взрослому» пятому классу нечего бояться трудной темы, так как каждая из девиц, наверное, знает как Отче наш Шиллера и его влияние на современников.

Нечего и говорить, что «каждая из девиц» задала изрядного труса! Многие о Шиллере успели уже позабыть, так как его учили в начале года, а теперь уже, слава Богу, подползала весна! Другие же, добросовестно изучив биографию немецкого гения, совсем упустили из вида любопытствовать о его влиянии на современников. И немудрено поэтому, что для многих из класса нетрудная, по мнению преподавателя, задача являлась какой-то китайской грамотой или чем-либо в этом роде.

Наступил злополучный день. К немецкому уроку многие не явились. Никогда за весь год не насчитывалось столько заболевших в пятом классе, как в это злополучное утро. У тех же, которые предпочли явиться в класс, были далеко не спокойные лица, а глаза тревожно поблескивали от одного ожидания рокового часа.

Одна Нина Махровая оставалась, по-видимому, спокойной. Ее удлинненные, как у египтянки, глаза излучали обычный тихий свет, на матово-смузлом лице не было ни тени румянца, первого признака волнения, того самого румянца, который с таким успехом украшал разгоряченные лица ее подруг.

– Счастливица! – с плохо скрытой завистью шептали последние, – вот-то счастливица! Что ей письменная работа!

Один пустой звук! Подготовлена она прекрасно, языки знает на славу... Богачка! Известное дело, родители могли дать какое угодно воспитание! Миллионеры! Англичанка одна чего стоит! Чего же ей беспокоиться тоже! Заранее обеспечена пятеркой! Нечего и говорить.

А Сфинкс, и не подозревавшая всех этих мыслей, рожденных ее скромной, молчаливой особой, спокойно сидела на своем месте с раскрытой тетрадкой на пюпитре и готовой к работе ручкой пера.

С первым дребезжащим звуком колокольчика в класс вошел учитель.

– Nun wie gast es?¹ – шутливо осведомился он у класса.

Девочки дружно промолчали в ответ. Уныние уже успело свить себе прочное гнездышко в этих молоденьких душах и теперь лишало их возможности встряхнуться и хоть чуточку ожить.

Немец добродушно пошутил снова над «молодыми девицами, раньше времени повесившими носики», и, внезапно сделавшись серьезным, громко прочел заданную тему.

Теперь оставалось только писать. Те, которые настрочили с помощью старших сестер свои сочинения дома, чуть-чуть приободрились. Вытащив со всевозможной осторожностью из карманов готовые черновики, они усердно занялись перепиской того, что было заранее уже сфабриковано ими вне класса чьей бы то ни было благодетельною рукою. Но не у

¹ Ну как дела?

каждой из девочек имелись дома добрые души, охотно согласившиеся пойти им на выручку. Большая часть класса должна была, как говорится, работать начистоту, за «свой паек».

И вот, скрепя сердце, девочки принялись за работу.

Рядом со Сфинксом сидела Саша Роговцева, неспособная, тяжеловесная и совсем, к тому же, нерадивая ученица. Особенно языки, но преимущественно немецкий, не давались Саше, и она вела с ними непримиримую, ожесточенную борьбу. Впрочем, борьба эта выражалась довольно странно: Саша предпочитала совсем не учить немецких уроков, за это на нее, как манна небесная, сыпались единицы... Саша плакала и опять не учила. И опять единицы валились на нее с головокружительной быстротой.

Сейчас Роговцева уже была готова расплакаться самым позорным образом на глазах учителя посреди урока. О Шиллере у Саши не сохранилось положительно никакого воспоминания. То, что училось про него в классе, пролетело для девочки бесследно, как сон.

Немудрено поэтому, что никакая мысль не приходила ей в голову на заданную тему. А рядом Нина Махровая писала да писала своим мелким, как бисер, почерком букву за буквой, строку за строкой. Нина писала, Саша грызла перо и смотрела на соседку злыми, завистливыми глазами. Конечно, получить единицу ей, Саше, совсем не новость, но все же как-никак совестно подавать учителю белый, чистый, без единой строчки на нем, листик! Вот если бы...

– Махровая! – неожиданно чуть слышным шепотом обратилась к Нине Саша. – Послушайте... Сфинкс, если бы вы захотели мне немного помочь...

Махровая подняла голову и взглянула на Сашу так, точно ее только что разбудили от долгого, крепкого сна:

– Что?

– Помогите, умоляю, написать сочинение, Сфинкс!

– Помочь нельзя... Дайте я напишу за вас, а вы переписете...

– Как, все сочинение?

– Так ведь иного выхода нет!

– Спасибо вам, голубушка! Никогда не забуду!

Сфинкс откладывает свой, наполовину исписанный, листок в сторону, незаметно вынимает из парты новый и пишет, пишет...

Саша Роговцева тревожно следит за тонкой, холеной, с отшлифованными, как зеркало, ногтями, рукой своей соседки. Рука Сфинкса летает, как птица. Полстраницы готово... Три четверти... Вся! Теперь только перевернуть и на другой стороне дописать немного. Роговцева считается слабой ученицей, она на дурном счету. Ее классная работа не должна быть слишком длинной, а то не поверят, что она, Саша, писала ее сама. И выражения должны быть самые незамысловатые, простые. Ну, вот и готово! Готово как раз в ту самую минуту, когда учитель, господин Шталь, начинает беспокоиться на кафедре, находя очень подозрительным бездельное вер-

чение пера в пальцах Роговцевой.

– Вот! Переписывайте скорее!

И Нина незаметно подсовывает соседке написанный ее бисерными буквами листок. Саша, красная, как рак, рассыпается в благодарностях.

– Уж и не знаю, чем отплатить вам, Сфинкс!

– Не требую награды! – шутливо отвечает словами Шиллеровской «Перчатки» девочка, и ее загадочные, длинные, как у египтянки, глаза смеются.

Роговцева с лихорадочной поспешностью принимается за переписку.

До звонка, возвещающего окончание урока, остается двадцать минут, если верить никелевым часикам, прищипленным на фартук. Слава Богу, что надзирательница вышла из класса! А сам Шталь занялся проверкой уже поданных двумя лучшими ученицами готовых работ. Только бы успеть! Только бы закончить!

Сфинкс тоже торопится. Но без малейшего признака волнения и суеты. Начало ее работы вышло весьма и весьма недурно, а что не придется довести до конца... Что делать!

Звонок. Сфинкс медленно дописывает последнюю фразу о гении Шиллера, о бессмертных трудах этого великого человека. Господин Шталь ходит по классу и отбирает листки.

У красной, как пион, Саши поставлена последняя точка. Она успела переписать все до конца.

– Благодарю вас, – обращается она с сияющей улыбкой к

Махровой, – вы спасли меня, Сфинкс!

Та смотрит на нее глубоким серьезным взором.

– Как жаль, – говорит она, отчеканивая каждое слово, – как жаль, что оправданием вашему спасению служат ложь и обман!

– Что?

– Ну да, ведь мы преисправно обманули господина Шталя... А разве это красиво?

Лицо Саши вспыхивает горячим румянцем.

– Ах, Боже мой! – окончательно теряясь, лепечет она... – Но ведь... но ведь все же так делают, кто не может, кто... – и совсем уже смущенная и потерянная, она смолкает с потупленными глазами.

– Хотите я буду заниматься с вами по немецкому языку? Тогда вам не придется пользоваться подобного рода услугами, – неожиданно предлагает своей соседке Сфинкс.

Саша смутилась от неожиданности. Хотела отказаться, но подумала и тихонько прошептала:

– Да, если это вас не затруднит!

– В таком случае приходите завтра ко мне, от 5 до 6 часов я свободна. Мой адрес: Морская, 8, квартира князя N. И мы вместе приготовим следующий немецкий урок.

* * *

Теперь уже не завидовали Сфинксу. Теперь предметом за-

висти являлась Саша Роговцева. Еще бы! Махровая, сама богачка Махровая, пригласила ее к себе! Сама неподражаемая Нина Махровая, которая приезжает всегда на уроки в таком прекрасном собственном экипаже с англичанкой и одевается с таким изяществом и элегантной простотой! Сам загадочный Сфинкс!

На Сашу Роговцеву стали смотреть с невольным почтением, несмотря на то, что она была худшей в классе ученицей и не выходила из двоек и единиц.

Саша Роговцева проникнет в роскошный дом, где живет Нина, увидит обстановку, окружающую Махровую, приподнимет, так сказать, завесу личной жизни таинственного, загадочного Сфинкса. Счастливица! Счастливица! Как можно было не завидовать ей! Сама Саша ходила с сияющим лицом, как именинница, и, отводя в переменки между уроками ту или другую из подруг, подолгу шушукалась с нею на тему о предстоящем ей визите к Махровой.

– Наверное, князь ей дядя или дед, – импровизировала Саша, – и обожает *нашу*. А *наша* как сыр в масле катается у него! Уж если лошади у нее такие и экипаж, так уж и комнаты, верно, – мое почтение! И лакеи в штиблетах и в красных кафтанах, и целая половина княжеского дома, по всей вероятности, отведена для нее. Наверное, обеды из десяти блюд кушает, а спит под атласным одеялом!

– Ну конечно, – поддакивала слушательница, – и ты, Саша, счастливица – увидишь все это!

– Увижу – да! Потом приду и все вам расскажу, ничего не забуду, – великодушно обещала Роговцева, чтобы хоть немного утешить своих подруг.

На следующий же день Саша, вернувшись из гимназии домой, тщательно вымылась, вычистила зубы, аккуратно заплела свои густые волосы в две тугие, аккуратные косички и уже готовилась попросить у матери свое лучшее, сшитое ей к причастию прошлой весной голубое кашемировое платье, чтобы ради такого торжественного случая облечься в него. Но мать Саши, измученная хлопотами, работой и заботами о своей многочисленной семье болезненная женщина, раздраженно прикрикнула на дочь:

– Да что ты? Ума рехнулась, девушка, что ли?! Дам я тебе лучшее платье по гостям трепать! Что к причастию-то тогда наденешь? Неужели опять новое шить?

– Да ведь куда я иду, мама, вы поймите, – ухватилась за последнее средство Саша, – ведь в княжеский дом, к самой Нине Махровой иду!

– Да хоть к самому министру, матушка! Не будет тебе платья, и баста! – окончательно вышла из себя Сашина мать. – Скажите на милость! Отец в поте лица работает за слесарным станком, чтобы ребятам дать образование мало-мальски, а эта... под потолок выросла, а ума не нажила! Дай ей, видите ли, лучшее платье по улицам трепать в будни! Очень хороша дочка! Заботливая, нечего и сказать! Не ожидала от тебя этого, Саша! – и на глазах, уставшей за день до полу-

смерти в трудах и работе Роговцевой заблестели слезинки.

Саша скрепя сердце подчинилась такому обороту дела. Бороться, она знала, было бы бесполезно. Мать, добрая и чуткая по натуре женщина, была, однако, тверда как камень, где надо было отстаивать интересы семьи. Роговцевы были бедны. Слесарное ремесло давало немного, а тут еще хотелось во что бы то ни стало вывести в люди ребятишек, гимназистку Сашу и реалиста Митюшу, здорового, способного мальчугана лет десяти. Жили, как говорится, в обрез, отказывая себе во всем, откладывая на воспитание ребят по копейкам. Немудрено поэтому, что малейшее проявление невнимания к тяжелой трудовой обстановке со стороны этих последних раздражало старших.

Саша ушла из дома чуть-чуть надутая за то, что мать не дала ей возможности приодеться соответственно ее визиту.

«Княжеский дом – это не шутка! Небось, у горничной там платье лучше моего и сапоги, наверное, без заплаток», – мысленно рассуждала девочка, шагая по длинному ряду улиц и переулков.

Но вот и княжеский дом. Красивый щегольской особняк. Львы у подъезда. Швейцар у двери в парадной ливрее.

– Вам к кому? – не совсем любезно осведомляется он, бросив подозрительный взгляд на более чем скромный костюм Саши.

– Мне вашу барышню надо повидать... Она звала меня сегодня, – трепещущим голосом, оробев, проронила девочка.

– Княжну? Ее сиятельство княжна выехали только что с мисс Финч на танцкласс к графине Ростовской, – отчеканил еще с большей важностью швейцар.

– Но как же... ведь она сама мне говорила вчера... чтобы я пришла сегодня к пяти... Готовить немецкие уроки с ней вместе, – шептала, путаясь, окончательно смущенная Саша. Швейцар пожал плечами.

– Не могу знать, – произнес он равнодушно, – их сиятельство выехавши и...

– И пропустите, пожалуйста, ко мне мою подругу, Федор! – услышала внезапно Саша знакомый голос за своими плечами. Она живо обернулась, подняла голову и увидела на верхних ступенях широкой, крытой коврами лестницы Сфинкса.

Та была в своем обычном коричневом платье и черном форменном фартуке, в своем каждодневном гимназическом костюме, который поражал всегда всех ее товарок своей изящной и красивой простотой.

– Здравствуйте, здравствуйте, Роговцева! – приветливо кивая головой, кричала она сверху. – Очень хорошо сделали, что пришли! Поднимайтесь ко мне скорей. Федор, снимите с барышни пальто, – приказала она швейцару таким тоном, от которого лицо важного человека в ливрее перекосило на сторону, но послушаться которого он все-таки не посмел.

Через минуту ветхое, подбитое рыбьим мехом, как говорится, пальтишко Саши висело в великолепном княжеском

вестибюле, а сама Саша стремительно взбежала по отлогим ступеням на площадку лестницы, откуда навстречу ей сияли загадочные глаза Сфинкса.

* * *

– А я думала, что вас нет дома.

– Но почему же? Ведь я сама назначила вам этот час.

– Но... но... этот важный швейцар сказал, что вы уехали на танцкласс к какой-то графине. Он сказал: княжна у...

– Ха-ха-ха! С каких это пор вы произвели меня в княжны?

И Нина Махровая засмеялась тем милым, тихим смехом, который придавал столько очарования всему ее изящному существу.

Потом, посмотрев на растерянное и смущенное лицо Саши, расхохоталась снова.

– Ага, понимаю, – между взрывами смеха говорила она, – вы считали, что ее сиятельство княжна и я – это... это одно и то же...

– Да! – чистосердечно призналась Саша, – я думала, что князь N ваш дядя или дедушка, и поэтому прислуга называет вас княжной.

– Нет, нет, милая Роговцева! Уверяю вас, вы ошиблись! Однако пойдем ко мне, здесь болтать совсем неудобно. Идем.

Она взяла Сашу под руку и повела по целому ряду ком-

нат, обставленных с такой роскошью, с таким богатством и вкусом, что у бедной дочери слесаря глаза разбежались при виде всей этой пышной обстановки. Зеркала во всю стену, тяжелое бархатное драпри, картины в золоченых рамах, роскошная мебель, мягкие, как пух, ковры, гобелены, статуэтки, всевозможные затейливые столики, бра на стенах, хрустальные люстры и целая масса дорогих безделушек! Все это поражало на каждом шагу скромную гимназистку-гостью.

За двумя тремя гостиными следовал длинный зал, сверкающий своей белизной, мраморными колоннами, венецианскими зеркалами, козетками и стульями вдоль стен, с двумя роялями по углам комнаты.

Потом столовая в русском стиле с огромным буфетом в виде крестьянской избы с вышитыми полотенцами, навешанными по стенам, с резным столом, стульями, табуретами, похожими на красивые игрушки. Рядом с этой комнатой находилась японская гостиная вся в ширмочках, изящных пуфах, диванчиках и веерах, а за ней начинался длинный коридор с многочисленными дверями по обе его стороны – справа и слева.

– Здесь комната княжны Киры, здесь наша классная, а здесь мой уголок, – предупредительно пояснила Махровая своей гостье и открыла какую-то дверь.

Саша Роговцева поторопилась закрыть глаза. Ей хотелось сразу открыть их тогда, когда она будет там, в этой комнате, убранной, должно быть, с той же сказочной роскошью, с

какую убрана вся княжеская квартира, в той самой комнате, куда мечтала попасть каждая из ее гимназисток – подруг.

И что же?

Она увидела очень светлую, очень просторную спальню в два окна со скромной узенькой постелью в одном углу, с книжным шкафом в другом, небольшой уголок, занятый простою мебелью с кожаной обивкой. Круглый умывальник безукоризненной чистоты и письменный стол у окошка с простыми тюлевыми занавесками и синей шторой.

– Вот и мой уголок... Нравится вам? Не правда ли, здесь очень уютно? Присаживайтесь сюда, к столу, и будьте как дома! – самым радушным образом с любезной улыбкой обратилась Нина к своей гостье... Но, посмотрев на лицо последней и увидя широко раскрытый рот и изумленно вытаращенные глаза Саши, она не могла снова не рассмеяться.

– Что вы? Что вас так удивляет, а? – допытывалась она.

Но Саша долго не могла ничего ответить, пока не пришла в себя от изумления. Наконец она собралась с духом и произнесла, смущенно краснея под чуть-чуть насмешливым взглядом своей подруги.

– Знаете... Махровая... Вы., вы... ах, пожалуйста, простите меня... но, но у нас говорили про вас такое... такое... Ну, словом, что вы живете как сказочная принцесса в заколдованном замке... Что вас окружает такая роскошь и что вы купаетесь в ней... И про вашу комнату у нас целые легенды ходят... Говорят, что убранство ее...

– Замок фей? Не правда ли? Да-с, – с тем же безобидным смехом подхватила Сфинкс последнюю фразу Саши.

– Ну да, – согласилась Роговцева все так же смущенно.

И мне завидуют все? Не правда ли? Да? – зеленовато-серые глаза Сфинкса сощурились и точно потемнели. – Наверное, говорят: богачка-аристократка, на собственных лошадях ездит, учителя к ней репетировать уроки ходят, англичанка в доме живет. Ведь так, да?

– Да! – призналась Саша, совсем уничтоженная сметливостью подруги.

– Ну так знайте же, Роговцева, что ничего этого нет и в помине. Я окружена роскошью, это правда, но я далеко не купаюсь в ней. Слушайте только: мой опекун князь N. взял меня в этот дом три года тому назад, когда умер мой отец (мать я потеряла давно, в раннем детстве). Приехала я сюда совсем глупенькой провинциалкой и, разумеется, прежде всего испугалась всей этой роскоши, всех этих прекрасных, на ваш и неуютно-огромных, на мой взгляд, комнат, где, казалось, жутко было даже громко говорить.

Княжна Кира – моего возраста и учится дома. Она несколько капризна и раздражительна, как всякий избалованный с детства ребенок. Меня же эта девочка полюбила как родную сестру с первой встречи и требовала, чтобы я, если не училась бы с ней, то хоть присутствовала бы на ее уроках. Было решено, что я поступлю в гимназию, так как суммы, оставленной мне покойным отцом, было слишком

мало для того, чтобы впоследствии я могла бы жить без собственного заработка. Приходилось подумать о будущем: готовиться в учительницы или в гувернантки. А без гимназического аттестата этого достичь нельзя. Присутствуя на уроках языков Киры, я научилась прекрасно болтать по-французски, немецки и английски. К тому же мисс Финч, Кирина англичанка, провожая каждое утро Киру в художественную школу, где девочка берет уроки живописи среди других великосветских девиц, берет и меня с собой, чтобы завезти в гимназию, и не отказывается по дороге побеседовать со мной, а это дает такую прекрасную практику языка!

Живу же я в такой скромной комнате, несмотря на горячие протесты моего опекуна и его дочери, так как не хочу окружать себя той роскошью, которой впоследствии буду лишена и к которой очень скоро, к сожалению, привыкает каждая молоденькая особа. Единственная роскошь, которую я себе позволяю – это мои изящные платья и обувь, но и то только ради княжны Киры... Не хочется смущать девочку перед ее гостями, светскими подругами, чересчур уж скромным нарядом, неподходящим к тону этого дома. Ну вот видите теперь, Роговцева, как вы все жестоко ошибались на мой счет! И ошибались тем более, не зная, что в самом недалеком будущем я, должно быть, может, скорее, чем кто-либо из нашего класса, познакомлюсь со скромной долей труженицы...

– Но почему же? Ведь в доме князя вас так любят.

– Да, но я им всем чужая и не могу жить на чужой счет. Денег же, оставленных папой, едва хватит на мое образование, на жизнь в доме опекуна, на мой стол, костюмы... словом, на мои расходы, а там я должна буду искать себе место гувернантки или давать уроки... Понимаете меня, Роговцева? Чтобы не пользоваться даром услугами князя и княжны. Ну а теперь давайте-ка возьмемся за наши немецкие уроки – мы и так пропустили больше четверти часа с нашей болтовней!

И говоря это, Нина взяла книжку, положила ее перед собой и стала громким, внятным голосом читать немецкий урок.